

III. Z ŻYCIA NAUKOWEGO

DOI: 10.17951/et.2016.28.327

Светлана М.Толстая

О РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТЫ НАД ПРОЕКТОМ «МЕТОДЫ АНАЛИЗА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ» (EUROJOS)

Прежде всего я хотела бы поблагодарить Институт славистики Польской Академии наук и руководителя проекта и организатора сегодняшней сессии проф. Ежи Бартмиńskiego за приглашение участвовать в настоящей дискуссии в качестве внешнего эксперта. Это для меня большая честь и приятная миссия. Нам предстоит обсудить и оценить результаты работы международного научного коллектива, который на протяжении шести лет (2009–2015) под руководством проф. Е.Бартмиńskiego и по его замыслу занимался исследованием в области ключевых понятий славянской и европейской культуры, выходя в некоторых случаях за рамки европейского ареала, в пространство культур другого типа, что давало возможность взглянуть на предмет исследования со стороны.

Я хотела бы начать, может быть, не с самого главного, но с того, что произвело на меня большое впечатление. Это организационная сторона работы. По правде говоря, нечасто можно видеть, что выполнение проекта до такой степени продумано и выстроено. В самом деле, теме проекта были подчинены не только индивидуальные планы участников, но и планы Комиссии по этнолингвистике при Международном комитете славистов, и планы ежегодника «Этнолингвистика», где публиковались предварительные версии статей; по теме проекта была организована серия конференций, на которых обсуждались теоретические вопросы аксиологии, принципы и методы изучения отдельных ценностных концептов, принципы сравнения материала разных языков и традиций и т.д.; многократно проводились анкетные опросы по темам данного исследования; наконец, сама нынешняя сессия, созданная для подведения итогов работы – все это пример исключительной плановости и ответственности со стороны участников проекта и прежде всего его руководителя. Я уже не говорю о том, что сам замысел такого аксиологического труда возник отнюдь не на пустом месте – его подготовили многочисленные исследования (как теоретические, так и практические) самого Е. Бартмиńskiego и членов руководимого им люблинского коллектива этнолингвистов.

Теперь о научном значении проделанной работы. Я думаю, что и в этом отношении новаторство обсуждаемого труда несомненно. С чем можно сравнить замысел такого параллельного исследования ценностных концептов в разных

языках? Вероятно, его можно сравнить с имеющимися опытами в области лексической или лексико-семантической типологии. Прежде всего это серия трудов, выполненных под руководством и изданных под редакцией проф. Ренаты Гжегорчиковой и Кристины Вашаковой (Renata Grzegorzczukowa i Krystyna Waszakowa, red., *Studia z semantyki porównawczej* cz. I–II, Warszawa 2000–2003), которые были посвящены лексике разных языков, обозначающей цвета, размеры и ментальные предикаты. Там тоже исследование выполнялось силами международного коллектива ученых и было подчинено единой задаче и единой методике презентации и интерпретации материала. На подобных же принципах строилось изданное у нас в Москве в 2007 г. под редакцией Е.В.Рахилиной и Т.А.Майсака исследование глаголов движения в воде (Aquamation) в разных языках. Так же было задумано и исполнено описание лексического поля боли, изданное в Киеве коллективом московских и киевских авторов под названием *Концепт боль в типологическом освещении* (2009). Все это тоже грандиозные по замыслу и по научной значимости работы, которые, можно сказать, подготовили почву для проекта, обсуждаемого сегодня. Хотя не во всех этих работах говорится о языковой картине мира, объективно они безусловно связаны с проблематикой категоризации и осмысления мира средствами языка.

Чем данный проект отличается от названных трудов по лексико-семантической типологии? Главных отличий, по-моему, три.

Во-первых, объектом типологических исследований была некоторая выделенная область действительности, и задача состояла в том, чтобы показать, как разные языки членят эту область лексическими средствами – в зависимости от этого используемая в разных языках лексика получает свои особые семантические свойства и свое особое наполнение. В нашем случае объект исследования выделен по иному принципу. Взяты не объекты эмпирической реальности и их свойства, а ценностные концепты, т.е. понятия, являющиеся продуктом сознания, категоризации и оценки явлений объективного мира. Хотя некоторым из описываемых понятий соответствуют эмпирические объекты (как, например, в случае ДОМА или ЕВРОПЫ), авторов интересуют именно аксиологические, психологические, идеологические, социологические аспекты этих объектов, т.е. способы их интерпретации, осмысления и оценки носителями языка. Их интересуют те смыслы, которые в сознании носителей языка соотносятся с данными словами, т.е. их интересуют не собственно слова, а обозначаемые ими концепты. В этом отношении более непосредственными предшественниками обсуждаемого труда могут считаться изданный в Люблине в 1993 г. под редакцией Е. Бартминьского том *Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich*, где уже речь идет об одном из важнейших ценностных концептов – родине – и о европейском контексте; в какой-то мере таковым можно считать также московское издание, вышедшее в 1994 г. под редакцией Н.Д.Арутюновой *Понятие судьбы в контексте разных культур*, так же как и некоторые тома серии «Логический анализ языка».

Во-вторых, обсуждаемый сегодня проект носит не сугубо лингвистический, а этнолингвистический характер. Это значит, что используются не толь-

ко собственно языковые данные (словарные дефиниции, сочетаемость, системные связи лексики, фразеология), но и тексты, в которых эксплицитно или имплицитно содержатся субъективные трактовки и оценки изучаемых понятий, а также ответы на прямые вопросы анкет, позволяющие реконструировать соответствующий стереотип, присущий разным группам носителей языка. В обсуждаемом труде использована специально разработанная методика, состоящая из трех видов источников: «объективных» системно-языковых (прежде всего словарных) данных, анкетных данных и текстовых показателей.

В третьих, обсуждаемый проект, в отличие от предыдущих, имеет лексикографическую направленность. Что это значит? Это значит, что в планируемом или только мыслимом, эвентуальном аксиологическом лексиконе (*Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*) словарная статья будет включать те обязательные блоки (рубрики) и те параметры, которые признаны релевантными для представления исследуемых концептов. Остается не вполне понятным, как в таком лексиконе будет соотнесен между собой материал разных языков. Вряд ли там статьи, посвященные разным языкам, будут просто следовать друг за другом. Как в таком случае должно быть проведено сравнение и как сформулированы его результаты? В работах по лексической типологии этот вопрос решается проще, на более формальной основе (хотя тоже не совсем просто): там есть возможность перечислить и соотнести друг с другом признаки, релевантные для членения изучаемого понятийного поля в разных языках (например, показать, что в таком-то языке *плывет корабль по реке, плывет спортсмен, плывет рыба, плывет листок на воде* выражаются разными лексемами, или группируются тем или иным образом, или все обозначаются, как в русском, одним глаголом). Во введении к тому проф. Барминский предупредил, что название труда *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* носит условный характер, но он имел в виду условность его определения как лексикона **славян**. Между тем, как кажется, условно или во всяком случае не конкретизировано и само название **лексикон**, т.е. жанр сопоставления, его задачи и структура. Пусть такая задача не стоит пока на повестке дня, но теоретически она должна быть как-то осмыслена и сформулирована.

Поскольку предметом нашего обсуждения являются прежде всего **методы** анализа языковой картины мира, мне хотелось бы остановиться на вопросах методики, использованной в данном труде. Привлечение трех видов источников (системно-языковых, анкетных и текстовых) дает надежную основу для полной и достоверной экспликации изучаемых концептов. Но возникает вполне теоретический вопрос: как эти источники соотносятся между собой? Очевидно, что наиболее общую схему концепта дает дефиниция его названия в толковом словаре, т.е. перечень основных значений соответствующего слова. Как эти значения соотносятся с исследуемым понятием (концептом) и с его профилями?

Здесь я позволю себе небольшое отступление. В работах московской семантической школы, возглавляемой Юрием Апресяном, каждое отдельное словарное значение многозначного слова считается особой, в какой-то степени

автономной, словарной единицей с полным набором собственных семантических, синтаксических, морфологических, стилистических свойств и со своим особым местом в лексической системе языка, т.е. со своими особыми синонимами, антонимами, конверсивами, дериватами и т.п. В терминологии этой школы такая словарная единица называется *лексемой*, что затрудняет пользование соответствующим понятием теми, для кого *лексема* – это материальная (звуковая или графическая) оболочка слова. Но само по себе это понятие оказывается исключительно важным, как показали работы московских семантиков по созданию *Объяснительного словаря синонимов русского языка* и нового *Активного словаря русского языка*. Я хочу сказать, что с подобными лексемами в смысле Апресяна можно сравнить и используемое школой Ежи Бартминьского понятие профиля концепта; в семантическом отношении профили нередко оказываются столь же автономными (и в отношении колокаций, и в отношении контекстов и типов дискурса), что и лексемы многозначного слова. Более того, они во многих случаях прямо соотносятся с разными словарными значениями. Например, в случае с концептом ДОМ его «бытовой» профиль явно соответствует материальному (или локативному) значению слова *дом* в словаре. Подобно тому, как уменьшительная форма *домики* возможна от слова только в этом значении и невозможна при других значениях, так же сочетаемость с глаголами *купить*, *строить*, *ремонттировать* и т.п. *дом* возможна только для этого («физического») профиля понятия.

Так же основным словарным значениям сербского и хорватского слова *част* – ‘почет’ и ‘угощение’ соответствуют два разных по всем своим характеристикам профиля концепта, а может быть – и два разных концепта (кстати, в некоторых словарях эти два значения слова *част* трактуются как омонимы). Отсюда следует, что в концепт могут входить не все значения соответствующего слова. В случае ДОМА к концепту скорее всего относятся, так сказать, производные от основного, конкретного предметно-локативного понимания дома (т.е. дом как семейный очаг, как свое пространство и т.п.). Так же, например, концепт ДОРОГИ скорее всего не будет включать в себя (или будет включать опосредованно) физические характеристики дороги (лесная, ухабистая, грязная, узкая и т.п.), потому что концепт ДОРОГИ, как показала петербургская исследовательница Татьяна Щепанская, включает совсем другие, ментальные, оценочные, психологические и прочие «идеальные» характеристики. Именно эти «идеальные» смыслы в русском языке берет на себя слово *путь*, хотя их может выражать и слово *дорога*.

Однако при всей автономности отдельных значений слова (лексем по Апресяну) и отдельных профилей понятия (в смысле Бартминьского), эти значения не всегда четко разграничиваются. Например, в русском выражении *дома и стены помогают* мы видим, что формально «физический» профиль (манифестируемый словом *стены*) содержательно (по смыслу) «уходит» в другой профиль – условно «семейный» или «патриотический». Вполне закономерен и вопрос, поставленный проф. Бартминьским, о том, что объединяет разные словарные значения слова, разные профили концепта и какое понятие можно считать „nadrzędny” для концепта. В статье о польском ДОМЕ

выражается несогласие с тем, что таким гипер-понятием является понятие локуса, места. Мне все же кажется, что как бы далеко ни отступали вторичные (метафорические и метонимические) значения от первичного (конкретного) значения слова *дом*, невозможно обойтись без его логического понимания как локуса (т.е. места проживания). Все самые сложные понятия дома как идеи этот локативный компонент так или иначе включают. Другое дело, как понимать локус, или место. Принято считать, что в отличие от времени, которое наполнено событиями, место наполнено предметами и потому оно менее содержательно. Иосиф Бродский в своем очерке *Путешествие в Стамбул* писал: «... пространство для меня действительно и меньше, и менее дорого, чем время. Не потому, однако, что оно меньше, а потому, что оно – вещь, тогда как время есть мысль о вещи. Между вещью и мыслью, скажу я, всегда предпочтительнее последнее».

Но вот выдающийся лингвист и мыслитель В.Н.Топоров, который посвятил понятию места специальную работу, так говорил об этом понятии: «„Место” есть прежде всего вместительность чего-то, без которого то, что обычно с большим или меньшим безразличием называют местом, лишается само понятие „места” необходимой точности его определения, более того, его смысла, его целенаправленности и практической установки „места”. [...] Прежде всего это, конечно, люди, населяющие это „место” и имеющие определенную заинтересованность в этом „месте”. [...] во всяком случае только они способны к самой постановке вопроса о месте, к целеполаганию, составлению плана действий и осуществлению этого плана». И далее: «место благодаря присутствию в нем человека, вещей-артефактов и пищи обладает жизненной энергией высокого напряжения, той витальностью, которая определяет уровень жизненной силы, кодируемой и.-евр. **ueik-*: **uoik-*. Продолжения этого корня присутствуют в праслав. **věkъ*; «Место и есть то пространство, где происходит это возрастание-прибывание жизненной силы, где подлинно реализуются промыслительные залюги» (Топоров 2004: 27–30). Так и кажется, что здесь дается определение концепту *дом*. Во всяком случае самые существенные черты этого концепта здесь отмечены. *Дом* – это именно такое место, заряженное жизненной силой.

Еще одно общее соображение. Принято считать, что первичны конкретные, предметные, физические значения, а абстрактные значения – продукт позднейшего развития. Но в последнее время в этимологии появляется все больше примеров того, что абстрактные «идеальные» значения могут быть если не старше, то во всяком случае не моложе конкретных значений. Недавно В.В.Иванов в своем докладе в Институте славяноведения в Москве сказал, что «сфера идеального нами недооценивается». Он это подтвердил в своих работах, в частности, примерами слав. глаголов **pasti* и **xorniti*, которые в славянских языках сочетают в себе конкретные значения с идеальными – для **pasti* это 1) ‘пасти скот’ и 2) ‘наблюдать, следить, опекать’ (откуда *спасать*, *запаса́ть* и т.п.), а для **xorniti* это значения 1) ‘кормить, пища’ (у южных славян) и ‘защищать, наблюдать, соблюдать’. В нескольких своих работах В.В. Иванов показал, что «идеальные» значения этих глаголов ‘следить, со-

блюдовать, сохранять' находят параллель в древнейших хеттских и тохарских текстах, где даже обнаруживаются устойчивые выражения типа рус. *хранить слово, соблюдать закон* и т.п., совпадающие со славянскими.

Возвращаясь к обсуждаемому труду, надо сказать, что разделы, посвященные разным концептам («ценностям»), по многим параметрам сильно различаются, и это зависит не только от способа и полноты описания, но и от природы понятия. Если в случае ДОМА, или ЧЕСТИ, или ТРУДА (РАБОТЫ) мы можем говорить об определенном подобии, конгруентности семантической структуры слова и смысловой структуры концепта, то в других случаях такого подобия не наблюдается. Так, в представлении образа ЕВРОПЫ языковые данные оказываются существенно беднее, чем текстовые и анкетные. Однако эти последние, которые прежде всего и формируют «идеальный» образ Европы, в очень большой степени исторически и политически ориентированы. Поэтому, например, для болгарского концепта Европы, естественно, оказываются релевантны оппозиции Европа–Балканы и исторический фактор турецкого ига, т.е. обстоятельства и параметры, которые для носителей других языков и культурных стереотипов могут ничего не значить. Иначе говоря, стереотип ДОМА, ЧЕСТИ, РАБОТЫ оказывается более универсальным, более независимым от историко-политических факторов, чем стереотип ЕВРОПЫ.

Не всегда понятны также временные рамки, в которых реконструируется тот или иной концепт. Так, в случае ДОМА для русского языка, как мне кажется, недостаточно учтено и осмыслено понятие бездомности, которое для русской послереволюционной эмиграции стало ключевым концептом, идеей, во многом определившей мировоззрение целого поколения (и даже следующего за ним поколения) русских беженцев, для которых бездомность была чем-то гораздо большим, чем просто потеря своего дома или отсутствие собственного жилья. Это была категория идеологическая, мировоззренческая. Многие из эмигрантов сознательно не принимали гражданства приютивших их стран, оставаясь людьми без гражданства с нансеновскими паспортами. Очень показательна в этом отношении позиция Владимира Набокова, который, будучи вполне обеспеченным человеком и весьма известным и в Европе и в Америке писателем, до конца своих дней принципиально не обзаводился собственным домом или даже квартирой и жил в гостинице.

То же можно сказать о сербском и хорватском концепте ЧЕСТИ. Современные данные, как языковые (словарные), так и анкетные и текстовые практически не отражают того содержания, которое заключено в понятии «воинской чести» или «девичьей чести», которые часто к тому же выражаются другими словами.

Подводя итоги, следует сказать, что обсуждаемый сегодня труд, пожалуй, прежде всего важен именно с точки зрения примененных в нем подходов и методов. Проведенная серия исследований, конечно, имеет большое значение для сравнительного изучения картины мира, она обогащает наши знания в области семантической структуры аксиологической составляющей языка и культуры. Но прежде всего этот опыт ставит новые теоретические и методические вопросы, которые будут стимулировать новые исследования

в области славянской и вообще сопоставительной этнолингвистики и углубление наших представлений о соотношении языка и культуры. Для меня главными вопросами для будущего остаются, во-первых, соотношение языковых и внеязыковых данных при репрезентации концепта и, во-вторых, способы сопоставления данных разных языков и культурных традиций.